

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г38

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *Яны Паламарчук*

Редактор серии *А. Антонова*

Германов, Майк.

Г38 Безликий / Майк Германов. — Москва :
Эксмо, 2020. — 320 с. — (Опасный прием).

ISBN 978-5-04-104660-6

Царское Село — идеальное место для воскресной экскурсии или свадебной фотосессии. И вместе с тем — для жестокого ритуального убийства... Ранним июньским утром глазам парочки велосипедистов предстало жуткое зрелище: Царь-ванна, полная мутной ржавой воды, а в ней окровавленный труп пожилого мужчины без лица с выжженным на груди клеймом. А рядом на стене — послание, содержащее намек на имя следующей жертвы... Следователь Валерий Самсонов должен разгадать этот шифр в кратчайшие сроки, иначе умрет еще один невинный человек. Но Валерий лишь человек, он ошибается, и маньяк убивает снова. Остается лишь один шанс понять, чего хочет монстр, пожирающий лица своих жертв...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104660-6

© Германов М., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Я приведу вас в пустыню народов,
и мы будем лицом к лицу,
и Я буду судить вас.
(Иезекииль 20:35)

Глава 1

ЦАРЬ-ВАННА

Среда, 2 июня

Каждый раз накануне своего дня рождения мама брала нас с Мариной, и мы ехали на автобусе в Екатерининский парк, чтобы погулять среди бело-голубых дворцов с огромными окнами и бронзовыми атлантами. Теперь их покрасили охрой, и они выглядят тусклыми, а когда-то сверкали не хуже Золотых ворот.

Пока отец был на работе, мы ходили по дорожкам, а потом сидели на траве, подстелив покрывало, и ели бутерброды с сыром и вареной колбасой, разрезанные пополам помидоры и огурцы, которые нужно было посыпать солью, и яйца.

В то время я не обращал особого внимания на то, что окружало меня, потому что каждая такая поездка была в первую очередь приятным приключением, *путешествием*, а не осмотром достопримечательностей. Поэтому планировка и архитектура Пушкина долго оставались для меня абстракцией, смутно возникающей на фоне воспоминаний о наших «приключениях».

Потом я иногда думал, почему мама возила нас с сестрой на эти прогулки именно накануне своего дня рождения. Ответа на этот вопрос я не нашел, но однажды, размышляя об этом, вдруг осознал, что не могу вспомнить ее лицо. В смысле молодого. Оно стерлось из памяти, осталось лишь ощущение, что мама была другой.

Я проехал мимо Египетских ворот, служащих пропилеями. Когда-то через них действительно можно было попасть в Пушкин, но после реставрации, проведенной в восьмидесятых,

дорогу пустили вокруг памятника, сделав его чисто декоративным.

Свернув на Дворцовую улицу, я оказался в Царском Селе и покатил между деревьями двух скверов, расположенных по обе стороны проезжей части.

Основанный в 1710 году как императорская загородная резиденция, Пушкин претерпел множество изменений и перестроек, повидал во время Великой Отечественной войны немецких оккупантов, потерял часть достопримечательностей, которые были разрушены снарядами и пожарами. Однако одну из них не смогли одолеть даже фашисты — именно к ней я и направлялся.

У нас в «Серийном отделе» бывают недели затишья, но бывают и периоды, когда работать приходится чуть ли не сутками. К счастью, маньяки в Питере объявляются не так уж часто.

Конечно, если бы можно было идентифицировать все серийные убийства, которые происходят, дело обстояло бы иначе — наверное, нам было бы не продохнуть. Но проблема в том, что далеко не все маньяки имеют свой «почерк». Большинство не выкладывает из порубленных тел сцены с полотен эпохи Возрождения, не приделывает к трупам орлиные крылья, не вырезает на своих жертвах сатанинские пентаграммы. Некоторые просто убивают. И объединить подобные случаи в серию невозможно.

Наш отдел занимается только теми делами, которые имеют явный «почерк».

На этот раз случай был именно такой.

Поскольку Пушкин входит в состав Петербурга, расследование передали нам. Мой друг и коллега Дремин, как назло, улетел с женой в Пекин проводить отпуск, и поселиться у него на время расследования мне не светило (дело в том, что он как раз недавно переехал в Пушкин и успел даже сделать ремонт). Мотаться же каждый день из Питера было хоть и не очень далеко, но неудобно, поэтому я обдумывал по дороге, нельзя ли снять на несколько дней комнату за счет бюджета отдела.

Конечно, это были пустые фантазии: приди я к своему начальнику, Павлу Петровичу Башметову, с подобной идеей, он рассмеялся бы мне в лицо.

В детстве мы с сестрой часто ездили в Пушкин не только с мамой, но и всей семьей. Это тоже было здорово. Отец всегда брал с собой фотоаппарат — черный «Зенит» в коричневом кожаном футляре, — и мы позировали у каждого дворца, у каждой беседки и на каждом мостике.

Особенно мне нравились наши осенние визиты, когда с деревьев облетали багровые, желтые, оранжевые и красные листья, выстилавшие дорожки пушистым упругим ковром. Мама и Марина всегда собирали кленовые, чтобы сделать из них венок, который потом долго хранился дома — пока не засыхал настолько, что рассыпался, стоило взять его в руки.

Теперь я не хожу по опавшим листьям. С тех пор как увидел торчащую из-под них, опухшую бело-синюю руку со скрюченными пальцами и почерневшими ногтями. Женщину расчленили, выпотрошили и бросили в парке возле шоссе, припорошив прелой листвой. Ее нашла утром собачница, выгуливавшая лабрадора.

Мы выехали тогда на вызов, но «серия» не подтвердилась: других подобных трупов обнаружено не было, и делом занялся убойный отдел.

Еще в Пушкине мне запомнились маленькие деревянные домики, раскрашенные «под кирпич». Так удивительно было видеть их рядом с современными домами. Теперь, проезжая по улицам Царского Села, я невольно высматривал их, но не заметил.

Я припарковал свой «Олдсмобиль» на дорожке Баболовского парка — там, где она переходит в мостик через пруд со знаменитой «каменной ванной», по сути представлявшей собой искусственный порог под мостом.

Разросшиеся деревья окружали дорожки подобно старым дряхлым часовым, некогда могучим, а теперь доживающим

последние годы, кусты обрамляли пруд, местами спускаясь к самой воде, затянутой зеленой ряской.

Едва я вылез из машины, ко мне направился местный опер. Среднего роста, коренастый, он был одет в плотную куртку, несмотря на то, что вечер выдался теплый.

Я молча предъявил удостоверение.

— Лейтенант вас ждет. — Опер махнул в сторону развалин, где среди зарослей виднелись фигуры полицейских и натянутая желтая лента.

Я отправился на поиски того, кто занимался местом преступления до моего прибытия. Проходя через мостик, не удержался и перегнулся через перила, чтобы взглянуть на воду. Из-за осевшей на выстилающих дно булыжниках ржавчины она казалась желтоватой. Не хотелось бы свалиться в нее и сломать себе руку или ногу: для ныряния здесь было слишком мелко.

Когда я оказываюсь на мосту — неважно, высоком или низком, — меня тянет посмотреть вниз, на текущую или колышущуюся воду. В такие мгновения все тело, начиная с ног, охватывает оцепенение, и думаешь лишь о том, что там внизу, в черной сверкающей пучине.

Холод и отсутствие воздуха.

Ужас погружения и вода, рвущаяся в твои легкие.

Заставив себя оторваться от перил, я двинулся дальше. Обогнув по дорожке заросли кустов, я направился к развалинам из красного кирпича, обнесенным полицейской лентой.

Это был Баболовский дворец. Сейчас от него мало что осталось, но все равно было видно, что строился он в виде маленького готического здания с узкими, начинавшимися от самого пола стрельчатыми окнами. Крыша была только на круглом павильоне, где располагалась Царь-ванна, но она выглядела слишком новой, из чего я сделал вывод, что соорудили ее не так уж давно — видимо, чтобы защитить достопримечательность от дождя и снега.

Заметив полицейского без формы, я подошел прямо к нему.

— Старший лейтенант Самсонов, меня прислали из Питера, — сказал я, протягивая руку.

— Димитров, — представился тот, окинув меня нарочито равнодушным взглядом.

Он был невысок, но плечист, под рыжей курткой из тонкой кожи виднелись мускулистые руки и грудь — полицейский явно немало времени проводил в качалке.

— Быстро вы приехали, — добавил он, проведя ладонью по темным волосам, отчего они не стали лежать ни лучше, ни хуже.

— Прилетел на крыльях долга, — ответил я, осматриваясь. — Где труп?

— Внутри. — Димитров указал на пролом в стене, к которому вели дощатые мостки. — Посмотрите?

— Может, сразу перейдем на «ты»? — предложил я. — Работать-то вместе.

Лейтенант слегка пожал плечами — мол, да как угодно.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я — Рома.

— Валера.

Димитров кивнул и пошел к пролому, на ходу объясняя, что случилось.

— Тело нашли местные велосипедисты. У них маршрут проходит через Баболовский парк, и сюда они часто заезжают передохнуть. Заглянули внутрь и увидели, что ванна наполнена водой, и в ней кто-то плавает. Человек не шевелился, и они его окликнули. Он не ответил, тогда один из велосипедистов полез внутрь и нашел труп. — Димитров вскарабкался по мосткам и вошел в развалины, исчезнув из виду.

— Тело достали? — спросил я, залезая следом.

Внутри пахло человеческими экскрементами и тиной.

— Да. Воду еще не сливали. Ждем, пока насос подвезут. Криминалисты взяли пару литров на анализ, соскобы какие-то сделали. В общем, можно осушать.

Я переступил с мостков на полати, идущие вокруг знаменитой гранитной Царь-ванны, в которой купалась Екатерина

Великая. Этого серого каменного монстра не смогли поднять и увезти в Германию в виде трофея даже фашисты — сорок восемь тонн оказались неподъемными. Теперь же вместо молока в ней была желтоватая вода, из которой перед моим приездом извлекли труп.

Лично я принимаю ванну очень редко. Мне попросту лень ждать, пока наберется вода, да и помещаюсь я в нее не целиком. Ноги не распрямишь. Вот если бы у меня была квартира побольше... но это мечты.

Словом, как правило, я принимаю душ. Но иногда все же хочется просто полежать в воде, закрыв глаза, и подумать о чем-нибудь отвлеченном. В таких случаях я всегда потом вылезая из ванны прежде, чем вытащить затычку.

В детстве мама читала и пересказывала потом отцу книгу, где рассказывалось о змеях, заползавших в канализационные трубы и нападавших на жильцов. С тех пор я опасаясь скользких тварей и потому не остаюсь там, куда они могут проникнуть через какое-нибудь отверстие.

Все это пронеслось в моей голове, пока я смотрел на воду, заполнявшую каменный резервуар. Здесь, конечно, не было ни труб, ни затычек.

Я поднял взгляд. На стенах виднелись сделанные краской надписи: буквы, цифры и разные символы.

— Эти художества были тут до убийства? — спросил я.

— Велосипедисты говорят, что только те, которые нанесены черной и синей красками, — ответил Димитров. — Те, что белой, — свежие. Думаешь, их оставил убийца?

— Когда велосипедисты были тут последний раз? Не считая сегодняшнего, естественно.

— Вчера вечером. Около половины девятого. Надписей не было.

Я прошелся по полам, прогибавшимся так, что казалось: вот-вот проломятся, и я полечу вниз. А до пола было метра два — по высоте ванны.

Белые надписи в полутемном помещении выделялись особенно хорошо. Будь я убийцей и если бы хотел обратить внимание полиции на свое послание, выбрал бы именно этот цвет.

Я вгляделся в линии и кружки, тесно выведенные на старых кирпичных стенах.

— Похоже на ноты, — подсказал Димитров, наблюдая за мной.

Он был прав.

— Надо узнать, что это за мелодия, — сказал я.

— Зачем?

— На всякий случай. Сделали фотографии?

— Да. Если надо, могу дать копии.

— Пригодятся. — Я перевел взгляд на ванну. — А откуда здесь вода?

— Без понятия.

— Но не ведром же убийца ее натаскал.

Димитров усмехнулся:

— Надо думать! Ему бы пришлось сутки этим заниматься.

Ванна-то огромная.

— А где тело? — спросил я. — Увезли уже?

— Нет, тебя ждали. Хочешь взглянуть?

— Жертву опознали?

— Как тебе сказать. — Димитров смущенно кашлянул. —

Это трудновато будет.

— Почему?

— У него нет лица.

— В каком смысле? Изуродовано?

— Содрано.

Я невольно вздрогнул. Вид трупов никогда не оставлял меня равнодушным, а обезображенных — тем более.

— Так будешь смотреть? — предложил Димитров.

— Да. Где он?

— Снаружи.

Мы вышли из развалин и обошли их с левой стороны. Труп лежал в черном пластиковом мешке. Земля вокруг была мокрая.

— Откройте, — кивнул Димитров криминалистам, которые сидели неподалеку и курили. Те нехотя встали и расстегнули молнию.

Я готовился к тому, что увижу, но то, что оказалось внутри мешка, было настолько ужасно, что я едва сдержал рвотный позыв: вместо лица сплошная рана, алая, бордовая, со светлыми жировыми прожилками! Кое-где белели кости черепа, зубы торчали зловеще, как у киношного зомби, а глазные яблоки, лишённые век, «смотрели» в разные стороны.

— Где его одежда? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Одежды нет, — ответил Димитров. — Он был голый. И посмотри на грудь. Видишь клеймо? Его выжгли еще до того, как бедняга умер. Лицо, кстати, сдирали тоже живьем.

— Откуда это известно? — спросил я, уставившись на крупную цифру «4», багровеющую на фоне бледной кожи.

— Уж поверь! — раздался знакомый голос у меня за спиной. — Я двенадцать лет в судебной медицине.

Обернувшись, я увидел высокого мужчину, с большими, как у панды, глазами, крупным носом и сверкающими в мочках-тоннелях. Он подошел, протирая очки в роговой оправе. На нем был прозрачный пластиковый комбинезон, через который виднелся светло-серый костюм в мелкую полоску.

Это был Федор Полтавин, штатный криминалист нашего «Серийного отдела».

— Привет, — сказал я. — Давно приехал?

— Не очень. Башметов сначала мне позвонил, а потом уж тебя разыскивать начал.

Я перевел взгляд на труп, но тут же отвернулся.

— Значит, можно считать, что имели место пытки?

Полтавин криво усмехнулся:

— Не думаю, чтобы эти издевательства можно было назвать как-то иначе.

— А какова причина смерти?

— Болевой шок. Не выдержало сердце.

Я повернулся к Димитрову.

— Какие-нибудь следы обнаружили? Шины, подошвы? Про отпечатки пальцев пока, наверное, спрашивать рано?

— Их еще будут снимать, — кивнул лейтенант. — А насчет следов — есть несколько узких борозд, думаю, их оставила тачка вроде садовой. Отпечатки шин тоже имеются, довольно широкие, как от грузовичка или другого крупного автомобиля. Полагаю, он такой и должен быть, если на нем убийца привез тачку.

— И еще насос.

— Что? — не понял Димитров.

— Насос. Им была накачана вода в ванну. Больше этого никак не сделать.

— Логично, — подумав, согласился Димитров. — Тогда ясно, для чего он притащил тачку.

— Чтобы перевозить насос, — кивнул я. — И тело тоже.

— С чего ты взял, что жертву убили не здесь?

Я повернулся к патологоанатому, который не уходил, а с интересом слушал наш разговор — словно чувствовал, что еще понадобится.

Пока мы с Димитровым разговаривали, он расстегнул молнию на комбинезоне, достал из внутреннего кармана пиджака круглый диетический хлебец и теперь жевал его, роняя на землю крупные крошки.

— Федя, есть поблизости следы крови?

— Есть, но немного. Думаю, ты прав, и убийца обработал жертву в другом месте, а потом уже привез сюда, чтобы устроить эту жуткую инсталляцию.

— Кстати, для чего ему это понадобилось? — встрял Димитров.